

ТАКИЕ РАЗНЫЕ КРАСКИ

В КРАСНОЯРСКЕ ЗАВЕРШИЛИСЬ ГАСТРОЛИ НОРИЛЬСКОГО ЗАПОЛЯРНОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ Вл. МАЯКОВСКОГО.

Не впервые отчитывался перед краевым центром этот коллектив. Каждый приезд театра в Красноярск становился событием в культурной жизни города. Спектакли норильчан или хвалили, или подвергали критике. Никогда не было одного: зрительского равнодушия.

Норильский театр разнообразен. Он говорит о человеке и «шершавым языком плаката» эпохи гражданской войны («Конармия» по И. Бабелю), и переносит нас во времена Мольера и Людовика, чтобы обнажить суть вечно живой проблемы взаимоотношений художника-творца со своей эпохой («Кабала святош» по М. Булгакову). Выстраивает фарс, чтобы рассказать о безрассудной доброте некоей Аэлиты («Приятная женщина с цветком и окнами на север» Э. Радзинского). Пробуждает мысли о бережном отношении к хрупким чувствам («Назначь мне свидание» по Г. Щербаковой).

Норильский театр — театр зрелищный.

Вспомним «Кабалу святош» режиссера А. Андреева. Наверное, этот спектакль можно было бы решить, поручив актерам только своими, актерскими средствами рассказать о глобальном конфликте великого Мольера с авторитарной властью. И, наверное, оставаясь на голой сцене, не менее интересен был бы нам пронзительный, страдающий Ю. Гребень в роли Мольера.

Или элегантный и подлый король Людовик, в образе которого актер А. Сулимов воплотил все ханжество и злоещее лицедейство. Мы с наименьшим недоброжелательством взирали бы и на архиепископа Парижского, которого актер А. Амелин наделил чертами злоеющих бюрократов, человеконенавистников, интриганов.

Но режиссер А. Андреев и художник А. Лебедева пошли по другому пути. Они вовлекли зрителей в карнавальную стихию жизни Мольеровского театра, опустив над сценой лоскутный занавес. Около этого занавеса, в потемках, бродили в прологе артисты, чтобы потом, при полном свете, всколыхнуть зал в бурном ритме карнавальной пляски.

Белые покои короля Людовика, чистый свет застенка, где Кабала вершила свой суд, — этот сценический контраст с черными помыслами врагов Мольера тоже помог точнее выявить булгаковскую мысль о страданиях великих

художников, отвергнутых жестокими временщиками.

В этом и смысл режиссерской профессии: способствовать нашему, зрительскому проникновению в глубины драматургических замыслов. Например, берясь за постановку пьесы Э. Радзінского «Приятная женщина с цветком и окнами на север», С. Гальперину легче всего было бы поставить спектакль о доброй и милой женщине, сочувствуя ее неудачным попыткам устроить личное счастье. Это могла быть лирическая комедия, например. Но для постановки избран жанр фарса, жесткий, нелюбимый.

И вот уже довольно уютно выглядит существование Аэлиты, главной героини (арт. И. Афанасьева) на подмостках квартиры-площадки, которая на наших глазах превращается то в купе вагона, то в ресторанный зал, то в комнату дежурного милиции. Женщина страдает, мучается от того, что ее постоянно обманывают, а спектакль следует канонам жанра, не спешит с сочувствием к героине.

Площадка квартиры, обозначенной лишь контурами, становится, таким образом, не тем уютным мирком, в котором живет Аэлита из пьесы, а «кривым зеркалом» ее не всегда уместного желания обогреть всякого, кто встретится на пути.

«Кабала святош» и «Приятная женщина с цветком и окнами на север» — зрелищные спектакли, с соответствующим «театру представления» режиссерским «диктатом». Однако же эта зрелищность не задавила актерские индивидуальности, а помогла их яркому выявлению. В ином случае нам вряд ли запомнились бы упомянутые выше персонажи.

Но в гастрольном репертуаре были и спектакли, которые тоже, на первый взгляд, заявляют о себе зрелищной выразительностью. Но, к сожалению, в них не произошло того благотворного слияния драматургического замысла со сценическим воплощением, которые характерны для режиссерских работ А. Андреева и С. Гальперина. Весьма показательна в этом отношении постановка спектакля «Конец и начало» по пьесе Л. Зорина режиссером А. Кошелевым. Пьеса рассказывает о вернувшихся в Москву из Берлина накануне 9 мая молодых людях, фронтовиках.

Ожидает спектакль с особой атмосферой, где боль и

горечь утрат смешаны с радостью победы. Где и зарождается любовь между главными героями — майором Костроминым и Леной Толмачевой.

Однако взгроможденный на сцену железнодорожный вагон, в котором встречаются возвращающиеся из Берлина герои спектакля, разрушает поэзию момента. Он, как и интерьеры квартиры генерала Толмачева и майора Костромина, выполнен безвкусно, ничего не дополняет к характеристикам герсев.

И, наконец, неуместно, кощунственно выглядят лица не нюхавших пороха артистов театра внутри развернутой через сцену фотографии встречи воинов-освободителей на Белорусском вокзале. Мы знаем эту фотографию сорок лет, помним всех, кто на ней запечатлен, и только диву даешься режиссеру А. Кошелеву и художнику Е. Бачинской, вмонтировавшим актерские лица в правдивую и безыскусную реалию исторического фотодокумента.

Весь спектакль грешит стилистическим разнообразием, отсутствием необходимой в данном случае партнерской «сцепки» артистов, в результате чего добротные актерские работы А. Амелина (генерал Толмачев), Ю. Гребеня (лейтенант Канцов), В. Оника (дед) выглядят в спектакле вставными «номерами» на фоне серых, безликих, лишенных живых человеческих чувств фигур в военных формах.

Эклектична по отношению к писательскому замыслу Г. Щербаковой режиссура Б. Преображенского в спектакле «Назначь мне свидание». Драматический рассказ о первой любви семнадцатилетних Романа и Юльки, поведенный нам С. Игольниковым и Л. Потехиной на пределе чувств, чрезмерно «разбавлен» зонгами, танцами, «утяжелен» сценографией А. Богданова, копирующей место действия в «Вестсайдской истории», с которой спектакль напрямую не перекликается.

Странный подиум, похожий на корабельный люк («лобное место» героев), неприглядные углы и лестницы, разбросанные по сцене в хаотичном порядке, — все это не концентрирует, а дробит действие, мешая восприятию драмы молодых людей. Очень жаль, что ушла из спектакля щемящая тема неразделенной юношеской любви Романова отца к Юлькиной матери. К сожалению, режиссер не смог предложить исполнителю роли В. Андрееву никакого точного хода для раскрытия этой темы, так как оказался бессильным спрятать «нетюзовские» фигуры артистов, занятых в «хоре» старшеклассников, друзей Романа и Юльки.

Как видим, заявки на зрелищность в данном случае не удалась, и полноценных спектаклей, увы, не получилось, потому что режиссура и драматургия разошлись по разным дорогам, не встретившись на тропе взаимопроникновения.

Е. ВИКТОРОВ.